

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Р.С. Выходец, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет**

Дан анализ развития современных международных отношений под воздействием глобализации. Проанализированы основные альтернативы эволюции мировой системы: «однополярность», «новая биполярность», «многополярность», «глобальная сетевая демократия». Предложены теоретические и методологические принципы осмысления происходящих глобальных изменений.

Ключевые слова: глобальные исследования, международные отношения, глобализация, цивилизация

CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

R.S. Vikhodets. Saint-Petersburg state university

The article discusses the development of modern international relations under the impact of globalization. The principal alternative to the evolution of the world system: the «unipolarity», «new bipolar», «multipolar world», «global democracy network». Offers theoretical and methodological principles of comprehension of current global changes.

Keywords: global studies, international relations, globalization, civilization

К настоящему моменту научному сообществу пока не удалось выработать единое мнение относительно феномена глобализации и создать общую теорию глобализации. Вместо этого существует широкий спектр зачастую противоречивых концепций, нарративов и отрывочных представлений о глобализации, претендующих на ту или иную степень теоретического обобщения современных мировых процессов. В этом смысле трудно не согласиться с В.Л. Иноземцевым, который, отвечая на вопрос: Можно ли дать процессу глобализации четкое определение? отмечает, что «тот факт, что этого до сих пор не сделано, подчеркивает не столько сложность задачи, сколько то, что решение ее просто не представляется необходимым» [1]. При этом, несмотря на все различия в подходах на феномен глобализации, его концептуальное содержание и хронологические рамки, большинство исследователей сходятся во мнении относительно беспрецедентности современного этапа глобализации, где на первый план выходит скорость происходящих в мире процессов. На протяжении более чем полутора веков, начиная с 1648 г. мир пребывал в так называемой Вестфальской системе международных отношений, тогда как в течение одного XX в. мы стали свидетелями трех последовательных смен таких систем: Венская – Версальская, Версальская – Потсдамская, Потсдамская – Беловежская. Причем последняя в начале XXI в. активно трансформируется и видоизменяется.

При осмыслении нового качества международных отношений чаще всего фигурируют несколько теоретических альтернатив: «однополярность», «новая биполярность», «многополярность», «глобальная сетевая демократия».

Провозглашенный Ф. Фукуямой в начале 90-х гг. «конец истории» как своего рода финал социокультурной эволюции человечества, связанный с тотальной победой принципов либеральной демократии, все еще не состоялся и уже вряд ли состоится. Широкое распространение демократии, как формы функционирования политических систем и принятие отдельных элементов глобальной культуры, в своем содержании тесно связанной с принципами либеральной идеологии, в значительной мере способствовало легитимации глобального доминирования США, установлению однополярной системы и глобализма.

Однако в современном мире либерально-демократические принципы сталкиваются с серьезной реакцией со стороны незападных культур и консервативных форм организации социальных отношений, основанных на исторически сложившихся типах идентичности: религиозной, этнической, языковой и пр. По справедливому замечанию И. Валлерстайна «У героя либерализма, индивидуума не будет возможности сыграть значительную роль, потому что ни один индивидуум не сможет долго выжить среди распадающихся структур. Наш выбор как субъектов может состоять лишь в формировании групп, достаточно больших, чтобы отбить уголки силы и убежища. Поэтому неслучайно тема «групповой идентичности» выдвинулась на передний план в масштабах не известных прежде современной миросистеме» [2]. В этой связи полная и окончательная победа либерально-демократической идеологии и логически связанная с ней однополярность в международных отношениях не просматриваются на обозримую перспективу, что означает неминуемый переход всей системы в новое качество. Непродолжительный по историческим меркам период американской гегемонии, трактуемый либо как символ однополярного мироустройства, призванный на долгие годы заменить собой обрушившуюся bipolarность или же, как курс, направленный на формирование такого порядка, все больше вступает в противоречия с объективными фактами мирового развития.

Существует мнение, что на смену идеологическому противостоянию капитализма и коммунизма должна прийти новая bipolarная система. При этом высказываются различные суждения касательно содержания новой bipolarности:

- глобальная конкуренция США и Китая;
- противостояние Севера и Юга, которое раскрывается в дихотомии между странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством либо в противоречиях между транснациональным правящим меньшинством и «привязанным» к определенному географическому и политическому пространству большинством;
- борьба между странами прогрессивного либерального капитализма и странами реакционного авторитарного капитализма;
- блоковое противостояние стран Запада во главе с США, с одной стороны, и различные варианты коалиций незападных стран – с другой.

Наиболее распространенная альтернатива развития современных международных отношений представлена концепциями многополярности, которые предлагают различные концептуальные трактовки построения международной системы на принципах полицентризма. К ним относятся концепции взаимодействия локальных цивилизаций («столкновение цивилизаций»); конкуренция больших экономических пространств: североамериканского, европейского, азиатско-тихоокеанского, евразийского; регионализация, связанная с так называемым «подъемом остальных», то есть повсеместным укреплением региональных центров силы, развитие регионального сотрудничества и, как следствие, перераспределение силы в системе международных отношений. Главный вопрос многополярности заключается в том, как должна быть организована и как будет функционировать такая система? Будет ли эта сложная внутренняя иерархия, разделение зон ответственности, «концерт наций» или же «война всех против всех» пока что остается без ответа.

Наконец, еще одна альтернатива будущего международных отношений представлена постпозитивистскими концепциями глобальной сетевой демократии. В своей теоретической основе данные концепции апеллируют к изменениям, вызванным глобализационными процессами. Прежде всего, речь идет об эрозии традиционных социально-политических институтов и в первую очередь национального государства. Это приводит к повышению значимости низовых демократических структур, выстраиванию сложной системы горизонтальных связей, нестесненных политическими границами, и, в конечном итоге, формированию глобального общества людей, поведение которых не определяется национальными интересами того государства, в котором они родились. Данные концепции не рассматривают властные отношения в классических субъект-объектных категориях,

ее должна сменить система глобального управления на принципах гуманизма и самоорганизации.

Существование множества альтернативных проектов свидетельствует о том, что в эволюции современных международных отношений сохраняются элементы неопределенности. Более того, формирующаяся система международных отношений отличается от своих предыдущих состояний интенсивными процессами глобализации, которые наделяют ее качеством глобальности, когда последствия событий в одном регионе практически мгновенно в той или иной мере оказывают влияние на действия практически всех субъектов международных отношений. Кроме того, глобализация существенным образом расширяет возможности реализации национальных интересов и применения инструментов «мягкой силы». Именно с последним связан наиболее частый упрек в адрес глобализации, состоящий в том, что она якобы сильных делает еще сильнее, тогда как слабые лишь закрепляют свой статус зависимости и подчинения. Этот же тезис является обоснованием автаркии и самоизоляции некоторых государств, стремящихся минимизировать негативное, по их собственным оценкам, влияние глобализации. Однако как показывает политическая практика, такие государства обрекают себя на перманентное отставание и оказываются на обочине мирового развития.

Глобализация привносит в международные отношения ряд важных черт:

1. Главные принципы глобализации – усиление процессов интеграции и повышение взаимозависимости. Мир все больше становится единым и взаимосвязанным. Повышается восприимчивость к общим проблемам и возможность субъектов международных отношений давать на них совместный скоординированный ответ. Будь то компания или государство, их возможности и перспективы строятся на том, с кем она имеет связь. Усиливающаяся в условиях глобализации взаимозависимость создает необходимые основы для преодоления частных противоречий между субъектами и выступает стимулом для выработки консенсусных взаимоприемлемых решений.

2. Процессы глобализации имеют сетевой характер, проявляющийся в том, что взаимосвязанность мира повышается, но при этом никто не несет реальной ответственности. Это, с одной стороны, увеличивает возможности субъекта получить максимальные выгоды от коллективного взаимодействия с другими, но одновременно повышает риски понести издержки от действий других субъектов.

3. Движущей силой глобализации выступает капитализм и свободный рынок. Глобализация является средством его распространения и проникновения в каждую страну. Это дает основание некоторым исследователям сделать вывод, что «сущность глобализации заключается в победе капитала и информационной свободы над национальными интересами, в особенности западных стран, создание транснациональных систем. С изобретением компьютера и интернета и введением их в экономику все операции невероятно ускорились и качественно изменились. Экономические изменения глобального масштаба характеризуются доминированием финансового рынка по отношению к товарному. Деньги без посредников стали делать деньги на законных основаниях, предоставляемых финансово-правовыми установлениями» [3]. Это существенно сужает возможности национального государства влиять на экономику, что во многом определяет стирание грани между внутренней и внешней политикой государства, ставя их в функциональную зависимость от процессов, происходящих в глобальной экономике. Кроме того, данный аспект глобализации поставил под сомнение возможность построения социального государства в развивающихся странах. Поэтому проблема вхождения в глобальный мир – это новый вариант вопроса о прогрессе в современных международных отношениях.

4. В сфере культуры глобализация способствует формированию определенной однородности, что, с одной стороны, облегчает взаимодействие между субъектами международных отношений, вносит существенные коррективы, снижает конфликтный потенциал по модели «свой-чужой», но одновременно с этим, зачастую вызывает ожесточенное сопротивление со стороны национальных культур, приводящее

к самоизоляции отдельных субъектов и жесткому сопротивлению глобализации и любому внешнему воздействию. Этот феномен в глобальных исследованиях получил название «глокализация», под которым понимается сложный процесс переплетения глобальных тенденций общественного развития и локальных местных особенностей тех или иных народов [4]. Следует подчеркнуть, что глокализация не подразумевает обязательный конфликт между глобальным и локальным, этот термин скорее призван описать их симбиоз. Хотя различные регионы мира взяли на вооружение западные технологию, демократию и рыночную экономику, тем не менее, они не становятся частью Запада. Однако ослабление национально-государственных возможностей не только на международной арене, но зачастую и во внутренних делах, эрозия идентичности, опасения по поводу собственной конкурентоспособности могут вызывать в качестве защитной реакции стремление к автаркии и самоизоляции. Коллизия между глобализацией и национальной самобытностью отдельных государств диктует необходимость поиска способов их органичного сочетания.

5. Глобализация формирует комплексную структуру власти, основанную на трех факторах. Первый – это традиционное равновесие между государствами-нациями. Второй – это равновесие между национальными государствами и мировыми рынками. Третий фактор – это равновесие между отдельными людьми и государствами-нациями. Глобализация дала средства и возможности отдельным людям, как никогда раньше, оказывать влияние как на рынки, так и на национальные государства.

6. Глобализация формирует ранее никогда не существовавший верхний уровень международной повестки дня, связанной с глобальной проблематикой, диктующей необходимость выявления общих интересов и создания условий механизмов максимизации взаимных выгод. Разумеется, наличие общих проблем отнюдь не исключает из международных отношений эгоистическую мотивировку во внешней политике государств, стремящихся к рациональному достижению собственных национальных интересов. Глобальная проблематика требует от субъектов международных отношений постоянного поиска баланса между необходимостью сотрудничества и их озабоченностью соотношением конкретных выигрышей и издержек. Зачастую коллективные действия оказываются невостребованными по причине своей низкой эффективности или же когда общие цели противоречат жизненным интересам того или иного субъекта. Но, тем не менее, глобализация привносит в международные отношения онтологическую необходимость сотрудничества и конструктивного взаимодействия. В данном контексте следует согласиться с А.Н. Чумаковым, который утверждает, что «у человечества по мере перехода его к новому состоянию – глобальному – помимо всех существующих трудностей и забот, которые никуда не делись, просто по определению не может не быть новых проблем, носящих теперь мировой масштаб... у глобального человечества и проблемы соответствующие – глобальные, а поэтому ставить задачу их преодоления значит просто не понимать сути происходящего. «Преодолеть глобальные проблемы», «ликвидировать глобальные угрозы» или «справиться с общечеловеческими проблемами» – не только нереальная задача, но в принципе неверно сформулированная установка, задающая и соответствующее видение ситуации, и определенную программу действий. Глобальные проблемы нельзя решить раз и навсегда; однажды появившись, они будут теперь неизменно сопутствовать мировому сообществу, и решать их придется постоянно. Теперь дело заключается лишь в том, чтобы эти проблемы представляли по возможности наименьшую угрозу и не подрывали основы существования жизни на Земле. Задача эта вполне по силам, но только не отдельным сообществам или государствам, а всему человечеству в целом» [5]. Поэтому само по себе наличие общих проблем требует коллективных целенаправленных действий, придавая международным отношениям конструктивный характер.

Глобальная повестка дня распространяется на многие сферы международных отношений. Барановский В.Г. в качестве основных направлений глобального международного сотрудничества выделяет следующие:

- преодоление бедности, борьба с голодом, содействие социально-экономическому развитию наиболее отсталых стран и народов;
- поддержание экологического и климатического баланса, минимизация негативных воздействий на среду обитания человечества и биосферу в целом;
- решение крупнейших глобальных проблем в области экономики, науки, культуры, здравоохранения;
- предупреждение и минимизация последствий природных и техногенных катастроф, организация спасательных операций (в том числе по гуманитарным основаниям);
- борьба с терроризмом, международной преступностью и другими проявлениями деструктивной активности;
- организация порядка на территориях, утративших политико-административную управляемость и оказавшихся во власти анархии, угрожающей международному миру [6].

В качестве основных положительных последствий глобализации на международные отношения следует выделить следующие:

- систематическая и фундаментальная модернизация – переход к более высоким технологиям во всех сферах социальной жизни;
- рост доходов и жизненного уровня многих социальных слоев;
- появление широких возможностей для творческой активности во всех сферах человеческой деятельности;
- снижение цен на товары первой необходимости благодаря расширению международной торговли;
- глобализация уменьшила чувство изоляции в развивающихся странах и открыла многим людям доступ к знаниям в таком масштабе, который на порядок выше самых богатых жителей любой страны сто лет назад.

Вместе с тем глобализация выносит на повестку дня современных международных отношений ряд ранее неизвестных противоречий, которые в значительной степени определяют вектор развития всей мировой системы. Наиболее острыми из них являются противоречия между государственным и глобальным, а также противоречие между индивидуальным и национальным.

Первое противоречие включает в себя весь комплекс проблем, связанных с транснационализацией большей части мирового дохода и национализацией негативных социальных и экологических последствий рыночной экономики, деятельностью международных организаций в интересах всего мирового сообщества, предотвращения войн и локальных конфликтов и пр. Кроме того, возникает коллизия между глобализацией и национальной самобытностью отдельных государств. Поэтому перед системой международных отношений в целом и отдельными ее участниками остро встает необходимость найти способ органического сочетания этих двух начал. Здесь главный вопрос глобализации, который она ставит перед всем мировым сообществом, заключается в том, смогут ли национальные государства, а значит и их лидеры остаться главными действующими лицами на международной арене или же ситуацию в мире сегодня все больше определяют совершенно иные силы.

Распространенное утверждение, что глобализация способствует тотальной эрозии национально-государственного суверенитета, является упрощением реалий современного мира. С одной стороны роль суверенного государства быстро меняется. Экономическая политика на уровне государства уже не обладает той же эффективностью, что и прежде. И, что еще важнее, сегодня, когда прежние формы геополитики устаревают, государствам необходимо пересмотреть свою идентичность в целом. Однако не следует делать однозначный вывод, что снижение роли национального государства в мировых процессах, пропорционально увеличивает значимость наднациональных и негосударственных субъектов международных отношений. Перед нами предстает более сложная картина, которая помимо усиления наднациональных институтов, созданных и действующих в интересах глобального капитала, включает также процессы ослабления суверенитета одних государств, что

упрощает реализацию национальных интересов и достижение выгод другими государствами, способными оказывать влияние на вектор развития глобализационных процессов. Таким образом, глобализация способствует перераспределению суверенитета, привилегий и лишений, богатства и бедности, власти и безвластия, свободы и ограничений в мировом масштабе. Как отмечает З. Бауман, «Распространение квазисуверенитетов, территориальное разделение не означает, что на мировой арене появилось большое количество равноправных партнеров. Одно и то же явление для одних выступает как результат свободного выбора, на других обрушивается как удар судьбы. А поскольку число таких «других» неуклонно растет целесообразно говорить о процессе концентрации капитала, финансов и других ресурсов, позволяющих делать выбор, а также концентрации свободы передвижения и действий в руках управляющего меньшинства» [7]. Многие государства, сохраняя формальный суверенитет, на практике являются полностью подконтрольными и зависимыми от других участников мировой политики.

Второе противоречие ставит проблему гармоничного развития отдельного человека в современном мире и связано с изменением его социальной природы. Современные информационные технологии дают в руки все большего числа людей не только эффективные средства производства, но и возможность находить рынки сбыта своей продукции по всему миру.

Появление новых агентов социализации в виде широкодоступных мировых СМИ и интернета, неподконтрольных национальному государству; свобода перемещений и некоторые другие факторы, коренным образом меняющие природу взаимодействия людей друг с другом, приводят к тому, что отдельный человек из существа полностью зависимого от общественного производства внутри государства превращается в существо все более от него независимое. Глобализация во многих сферах ставит под сомнение способность национального государства удовлетворять растущие индивидуальные потребности, пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Многие люди стали мобильнее и могут с легкостью изменять место своего физического пребывания и использовать свои ресурсы (финансовые, трудовые, интеллектуальные и т.д.) там, где это наиболее выгодно. Попытки национальных государств отгородиться от этих процессов, с одной стороны, вызывают внутренние социально-политические конфликты, а с другой – способствуют формированию транснациональной космополитической идентичности. По мнению Э. Гидденса, «набирающие силу изменения создают нечто беспрецедентное – глобальное космополитичное общество. Оно потрясает основы нашего традиционного образа жизни, где бы мы ни находились. На данный момент это еще не мировой порядок, определяемый коллективной волей людей. Его становление носит анархический, случайный характер, на него влияет множество разных факторов. При этом переживаемое в связи с этим ощущение бессилия – не признак нашей собственной слабости, а отражение недееспособности наших институтов» [8]. Американский социолог указывает на то, что в современном мире многие традиционные социальные институты, в том числе и государство, перестали соответствовать задачам, которые они изначально были призваны выполнять.

Наличие этих противоречий диктует необходимость поиска новых форм международного взаимодействия, которые будут в состоянии обеспечить не только глобальную безопасность, но и гарантировать общественный прогресс в долгосрочной перспективе. В данном контексте встает еще одна важнейшая проблема для международных отношений в условиях глобализации – это проблема лидерства.

Сегодня на международной арене присутствует более двухсот государств, но далеко не все они способны оказывать реальное влияние на мировые процессы. Активное и целенаправленное воздействие, которое также имеет разный масштаб, доступно относительно небольшому кругу государств-лидеров, отождествляемых, как правило, с участниками G20.

Феномен международного лидерства следует рассматривать в двух аспектах. В одном случае, подразумевается способность государства выражать интересы и цели некоторой группы государств, в другом – готовность к инициативным, зачастую высокочрезвычайным усилиям для решения тех или иных задач и мобилизации с этой целью других участников международных отношений. Возможно осуществление государством функции лидера как в одном из этих двух измерений, так и в обоих. Лидерство также следует различать по кругу выдвигаемых задач, числу затрагиваемых государств, пространственному влиянию (локальное, региональное, глобальное лидерство). После окончания «холодной войны» наиболее явным примером амбициозных притязаний на глобальное лидерство стала политика США, которая фактически сводилась к задаче упрочения своего эксклюзивного положения в международной системе. Эта линия достигла кульминации в период пребывания у власти неоконсерваторов (первая администрация Дж. Буша-мл.) и затем пошла на спад в виду ее явной дисфункциональности для самих США. Однако во время своего второго президентского срока Б. Обама выдвинул идею «исключительности» США и американской нации, что придало новый импульс глобальным притязаниям Америки.

Для мирового лидерства США сохраняются значительные объективные основания. По большому счету, на глобальном уровне никто не может им бросить открытый и полномасштабный вызов. Но относительное превалирование Соединенных Штатов размывается в силу того, что возможности других государств постепенно начинают расширяться. С обретением международной системой более полицентричного характера эта тенденция усиливается. Государств, имеющих потенциал лидерства, становится больше – пусть даже речь идет о лидерстве в ограниченных территориальных ареалах или применительно к отдельным функциональным пространствам. Все чаще начинают высказываться идеи о необходимости коллективного лидерства в современном мире. Так, например, В.С. Ягья отмечает «В современном мире, не умаляя значения ни одной страны, ни ее связей с другими государствами следует, тем не менее, признать, что основополагающую роль играют российско-американские, российско-китайские и китайско-американские отношения. Соединение этих отношений в рамках G3 дало бы огромный эффект, ибо глобальный потенциал каждой из этих стран и их связей друг с другом очень велик, превосходит потенциалы других государств» [9].

В силу тяготения современной мировой системы к мнополюсности уместно предположение, что феномен регионального лидерства будет встречаться значительно чаще. Однако данная тенденция способствует усилению процессов, связанных с международной политической глокализацией. К примеру, притязания Ирана на региональное лидерство являются одной из причин настороженного отношения к Тегерану – а это способно стать дополнительным источником напряженности на Ближнем Востоке и даже за его пределами. Этот феномен еще более заметен в условиях конкуренции регионального и глобального лидера, что находит свое отражение в стратегии «смены режима», которую сегодня очень часто применяют США в отношениях с теми государствами, которые способны подорвать их влияние в определенном регионе. Главная задача «смены режима» обосновывается стремлением установить прямой контроль над властными структурами, добиться политического влияния, обрести экономические выгоды и т.п., дискурсивным прикрытием которых становятся лозунги продвижения демократии, обеспечения прав человека, «обязанности защищать» и т.п. При этом со стороны властей государства, которое является объектом стратегии «смены режима» или опасается таковой, естественным является противодействие этому, причем нередко жесткое вплоть до пресечения какого бы то ни было внешнего влияния. Это обычно объясняется необходимостью защиты от вмешательства во внутренние дела страны. Может иметь место и прямое обвинение внешних «противников» с целью перевести на них вектор общественного недовольства и оправдать жесткие действия против оппозиции как «пятой колонны». Это приводит к существенной поляризации международных отношений и является угрозой возникновения региональных конфликтов.

В этой связи для государства, ориентирующегося на осуществление лидерских функций, большое значение имеет восприятие проводимого им курса международным сообществом. Поэтому принятие или непринятие провозглашаемых потенциальным лидером общих целей и предлагаемых для их достижения моделей развития играет ключевую роль в динамике международных отношений и структурировании геополитического пространства.

Процессы глобализации, основанные на технической возможности более тесных ненасильственных контактов между различными народами, после окончания биполярного противостояния породили феномен глобализма по-американски, который воскресил многие модернистские постулаты в рамках новой системы международных отношений. На основе сформулированных США критериев цивилизованности и современности: права и свободы человека, демократическое политическое устройство, рыночная экономика и т.д. был создан единый цивилизационный вектор мирового развития и сформирована однополюсная мировая система. После Второй мировой войны и после крушения коммунистического блока, большинство обществ современного мира осознало, что общественный прогресс напрямую зависит от достижения широкого политического участия и изменения существующих отношений личность-общество-государство. Поэтому культурные модели США были востребованы историческим моментом и экстраполировались через процессы глобализации на остальные народы, которые их переняли и усвоили.

Любое государство в своем развитии стремится к усилению своего влияния, артикуляции и защите своих национальных интересов. Современный мир создает новые возможности для отдельных государств, принадлежащих к различным локальным цивилизациям, распространять свой потенциал на всех участников международных отношений. Процессы глобализации повсеместно создали каналы, позволяющие государствам «транслировать» свои культурные модели, создавать структуры управления в соответствии со своими национальными интересами, и распространять свое влияние в теоретическом пределе на весь земной шар. Этот феномен с известной долей метафоричности можно назвать «глобальной волной», под которой понимается совокупность культурных моделей развития в основных сферах человеческой жизни, принадлежащих той или иной стране, которые через процессы глобализации транслируются на другие страны, и принимаются, полностью или частично, их большинством.

Для инициирования глобальной волны государство должно обладать существенным количественным преимуществом в двух первичных сферах: экономической и политической. Эти две сферы дают основы для распространения идеологических и социокультурных моделей. Любая информация, прежде всего, борется за свой основной ресурс – носители, создание которых требует колоссальных экономических и политических затрат. Таким образом, экономическое и политическое превосходство того или иного государства создает определенные ресурсные предпосылки для инициирования глобальной волны, а частные ценностные, идеологические и социокультурные модели, господствующие до определенного времени в лоне национального государства, могут быть востребованы самим историческим процессом, приобретая характер универсальности и актуальности для всего человечества. В начале XX в. экономический потенциал США превосходил все остальные страны мира, после двух мировых войн это государство упрочило свой политический вес на международной арене и превратилось в важнейший субъект геополитики. Но лишь либерально-демократическая идеология, которая оказалась востребованной историей на определенном этапе, дала старт тем процессам, которые лишь спустя несколько десятилетий стали называть глобализмом по-американски. Однако идеологический фактор работает до тех пор, пока государство в глазах мирового сообщества выступает его первоисточником и единственным судьей в правильности восприятия другими предложенных моделей развития. Но на определенном этапе факторы и предпосылки, когда-то вызвавшие глобальную волну, начинают утрачивать свою актуальность, что приводит к ее затуханию. Исчезает тот заданный цивилизационный вектор, который направлял все развитие мировых процессов. «Чужие» модели развития становятся привычными

и трансформируются на национальной почве, приобретая оттенок национальной культуры, что приводит к исчезновению их абсолютного универсального характера, так как на смену чистым формам, мерилom которых ранее являлся лишь один субъект, приходит многообразие трансформированных форм, каждая из которых более адекватна для каждого народа. Некогда единый глобальный полюс со сверхдержавой, задающей направление развития, обретает дискретный характер, наиболее крупные и развитые государства начинают отдаляться от «генеральной линии развития всего человечества» и концентрируют свой потенциал на решении задач, отвечающих потребностям их локальной зоны влияния и своим национальным интересам. Усиливаются тенденции к глокализации, которая выступает как форма современной глобализации, при которой глобализационные процессы не имеют единого вектора развития, а существует совокупность конкурирующих культурных моделей, распространяющихся на ограниченном пространстве, создавая тем самым локальные волны. Локальные волны представляют собой культурные модели развития, господствующие на ограниченных пространствах, приводящие к формированию многополюсности.

Наличие весомого компонента, связанного с глобальной проблематикой в современной международной повестке дня повышает востребованность лидерства для организации коллективных усилий участников международной жизни при решении возникающих перед ними задач. Поэтому в теоретическом плане особую актуальность приобретает вопрос о том, какие факторы способствуют возвышению того или иного государства и занятию им лидерских позиций в отдельном регионе или же в глобальном масштабе? В современной литературе даются различные ответы на этот вопрос. Так, например, В.Г. Барановский делает акцент на внутренних субъективных факторах, способствующих реализации государством функции международного лидера:

- наличие у самого этого государства достаточно высокой мотивации к осуществлению намечаемого;
- значительная внутривнутриполитическая поддержка;
- понимание и солидарность со стороны основных международных партнеров;
- согласие пойти на финансовые издержки (иногда весьма масштабные);
- при необходимости – возможность и готовность использовать свой гражданский и военный персонал (с риском человеческих жертв и соответствующей реакции в своей собственной стране) [10].

Другие авторы, напротив, большую роль отводят объективным факторам. Например, П.А. Цыганков к таковым относит несопоставимые с другими государствами размеры территории, численность населения и конфигурацию границ [11].

Однако простое описательное перечисление факторов, влияющих на структурирование международных отношений, динамику центров силы и формы взаимодействия в мировой системе, оказывается не только недостаточным для плодотворного теоретического анализа, но и обнаруживает очевидную нехватку предметной строгости, а также дефицит прогностического потенциала при попытках решения прикладных проблем мировой политики.

Глобальная геополитика изначально подходит к рассмотрению данного круга вопросов с позиций междисциплинарности. Будучи правопреемницей классической геополитики, она сохранила тесные связи с естественными науками, теоретические принципы которых в совокупности с политологической методологией позволяют более глубоко понять многие вопросы современных международных отношений, зачастую выходящие своими корнями далеко за рамки политического пространства.

Литература

1. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 33.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 228.

3. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008. С. 389.
4. Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Изд-во «Радуга», 2003. С. 268.
5. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М., 2009. С. 42.
6. Глобальная перестройка / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Изд-во «Весь мир», 2014. С. 313.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 112.
8. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 36.
9. Ягья В.С. G-3 – новая модель глобального управления // Глобалистика-2013: материалы III Междунар. науч. конгресса. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 316.
10. Глобальная перестройка / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Изд-во «Весь мир», 2014. С. 330–331.
11. Цыганков П.А. Понятие великодержавности в анализе мировой политики XXI века // Глобалистика-2013: материалы III Междунар. науч. конгресса. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 198–200.